

символический) комментарий к этой страшной истории человеческого падения, включает в себе и гимн человеку в его природной красоте и совершенстве, и «крик ужаса и стыда» при виде чудовищного искажения его высокой сущности. Именно таков смысл противопоставления символических садов.⁹

Красота человеческой «природы» выражается в картине плюшкинского сада, описание которого заканчивается следующим авторским резюме: «Словом, все было как-то пустынно-хорошо <...> как бывает только тогда <...> когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубоощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создано в хладе размеренной чистоты и опрятности» (VI, 113). Лейтмотивом тут несомненно являются красота и теплота природы, которой противопоставлены «хлад» и бестолковщина искусственных сооружений.

Однако идейный смысл картины плюшкинского сада не исчерпывается сказанным. Видя функцию этого образа в прославлении силы и красоты природы, исследователи, как правило, игнорируют тот фрагмент разбираемого пейзажа, который имеет совершенно иное звучание. Напомним его: «Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвященное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было все окинута тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья...».

В этом отрывке нет ни одного художественно нейтрального слова. Всей своей совокупностью они рисуют мрачную картину старческого упадка и разрушения и звучат как своеобразная увертюра, предвещающая появление Плюшкина. Отметим такие образы, как «седой чапыжник» и «густая щетина», в которых использованы как метафоры элементы реального плюшкинского портрета.

Завершается этот фрагмент образом-антитезой. Продолжаем цитацию с тех слов, на которых она была нами прервана: «...и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые

---

⁹ Косвенным подтверждением значительности этих образов служит и заведительствованное Анненковым «чувство авторского самодовольствия», развившееся в чтении «главы, где описывается сад Плюшкина». Мемуарист утверждает, что «никогда еще пафос диктовки не достигал такой высоты в Гоголе». Диктуя описание сада, Гоголь, по словам Анненкова, «даже встал с кресел <...> и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, стр. 87).